

Общая численность наличного населения по архивным данным сократилась с 1939 по 1945 г. более чем на 300 тысяч человек или на 25,5 процента. Эвакуированные люди к 1945 г., в основном, покинули территорию края. На фронте, уже погибло около ста тысяч уроженцев Мордовии. В армии так же находилось еще около ста тысяч человек оставшихся в живых, которые должны были вернуться на родину. Таким образом, можно предположить, что примерно сто тысяч человек были вывезены за пределы республики по различным видам вербовок. Часть убыли приходилась на отрицательный естественный прирост населения. В результате резкого сокращения, в основном, репродуктивного населения, его численность восстанавливалась очень медленно. Так, к 1950 г. оно выросло лишь до 904,5 тыс. чел⁵. Довоенная численность населения не восстановилась и впоследствии.

Примечания:

¹ Официально указанное учреждение никогда не носило такого названия. С начала образования это был Темниковский лагерь («Темлаг»), затем, с 1948 г. Дубравный («Дубравлаг») и, наконец, с 1960 г. и по н.в. - «Учреждение ЖХ-385».

² Всесоюзная перепись 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 16, 173-175.

³ Мордовия в годы Великой Отечественной войны. Сб. док. и мат. Саранск, 1962.-С.256.

⁴ Память. Мордовия. Т.9.- Саранск, 1999.- С.346.

⁵ Архив УФСБ РФ по Республике Мордовия. Д.36-69. Л.26.

ЭСЕРЫ САРАНСКОГО УЕЗДА В 1911 Г.

Кистанов С.В.

*ГОУВПО «Мордовский Государственный университет им. Н.П. Огарева,
Саранск*

Оживление деятельности представителей ПСР на территории современной Мордовии произошло в 1911 г, о чем свидетельствуют неоднократные посещения мордовских уездов представителями губернских организаций партии. Например, в феврале 1911 г. в Краснослободский уезд прибыл Александр Богословов, являвшийся другом Николая Метальникова – одного из лидеров пензенской организации ПСР. Появление нелегальной литературы на территории Саранского уезда было связано с приездом из Харбина в с. Большой Вьясс Ольги Яковлевны Тростиной. В июне 1911 г. из Пензы в Саранск прибыл бывший ученик пензенского реального училища Александр Иванович Ермолаев, принадлежавший к местной ученической организации партии социалистов-революционеров.

Возобновилась после длительного затишья свою активную деятельность саранская организация партии эсеров. С апреля 1911 г. ее возглавил бывший служащий почтово-телеграфной конторы Василий Маскинсков. В городскую группу входили: Александр Маскинсков, Александр Абудеев, часовщик Сегаль, Дмитрий Удалов, Алексей Шандиков, Василий Сизов, братья Дмитрий и Николай Овчинниковы, Владимир Чубуков, волостной писарь Тараскин, парикмахеры

Михаил Соколов и Яков Мандрусь, писец городской управы Николай Семисажин, Михаил Малинин, писарь саранского уездного воинского начальника Иосиф Кирпичников, рядовой 180 виндавского пехотного полка Яков Плодухин.

Группа поставила цель – вести революционную пропаганду среди населения, отводя первенствующую роль агитации среди войск. Ее методом эсеры избрали распространение нелегальной литературы, а ответственным лицом за эти мероприятия был назначен Иосиф Кирпичников. В результате агитационной работы эсерам удалось наладить сотрудничество с солдатами гарнизона, что выражалось в том, что солдаты передавали социалистам-революционерам патроны, которые у них принимал Удалов. Вскоре в уезде появились представители партии, непосредственно связанные с Саранском. Это группа эсеров в с. Архангельское Голицино, где располагалась рота 180 виндавского полка. В неё входили Аарон Турбин, Борухович, Яковский и другие солдаты. Сотрудником саранской организации был псаломщик с. Напольная Тавла Казанский, который вёл с прихожанами беседы на политические темы, «развращал их в религиозном отношении». У саранских эсеров просили револьверы крестьяне с. Большой Вьясс. 14 марта для этих целей в Саранск приезжал вьясский крестьянин Михаил Власов, который по характеристике властей относился к лицам, явно сочувствовавшим левым.

Филиалом саранской эсеровской группы стал кружок в с. Большой Вьясс, в который входили Василий Ловянков, Агафон Спицын, Спиридон Пчелкин, Кадейкин, Каршин. Агитаторы из Саранска постоянно навещали его, привозя с собой литературу и устраивая нелегальные собрания, которые зачастую проводились в квартире Агафона Власова. Так, 30 марта, в очередной раз, собравшись на указанной квартире, при присутствии саранского мещанина Николая Михайловича Фролова, вьясские крестьяне кричали полицейским «кровопийцы».

Активно повели себя агитаторы из с. Зыково Матвей Морозов, Иван Кононов и Ефим Юдин, которые призывали местных крестьян на сходах не платить за землю, не выплачивать недоимки.

Но деятельность саранской группы партии социалистов-революционеров была быстро поставлена под контроль полиции, что было обыденной практикой в революционном движении на территории современной Мордовии того времени. В её состав был введён секретный агент полиции под псевдонимом «Вольский» (И. А. Морозов). Он, в силу своей служебной специфики, собирал на эсеров сведения, передавая их полиции, что и обусловило недолгий период их действий.

Через него полиции стали известны связи саранских эсеров с их единомышленниками в соседних сёлах. Он же передал сообщение о приезде в Саранск эсера «Кости» (крестьянин с. Кочкурово Василий Алексеевич Петров), докладывал о собраниях представителей группы. С конца апреля 1911 г. начались аресты. Только 30 апреля было арестовано сразу четверо представителей группы. Таким образом, деятельность агента полиции стала главной причиной разгрома эсеровской организации в Саранске в 1911 г.

Лидера саранских эсеров Василия Маскинского выслали в Брест. После 1911 г. деятельность представителей партии социалистов-революционеров в Саранске и уезде прекратилась до периода нового революционного подъема.

**ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА МОРДВЫ
(ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ
XVIII – НАЧ. XXV.)**

Корнишина Г.А.

*Мордовский гос. Университет,
Саранск*

Изучение обычаев, праздников, поверий и других элементов обрядовой культуры мордвы имеет длительную историю. Ценными являются свидетельства участников научных экспедиций, которые были организованы в XVIII в. Российской академией наук с целью собирания сведений о народах России. П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.Г. Георги оставили записки как в целом о культуре мордовского народа, так и о его обрядности. Среди источников XVIII века надо отметить и записки уездного землемера К.Мильковича «Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия», которые содержат ценные данные о поминально-погребальном ритуале мордвы и ее религиозных верованиях.

Более широкий и планомерный характер, этнографическое изучение народов Российской империи, включая и мордву, начинает приобретать с середины XIX века, когда образовалось Русское Географическое Общество (1845г.). В течение ряда лет по тщательно разработанной отделением этнографии РГО программе и с помощью местных корреспондентов был собран уникальный полевой материал, значительная часть которого была аннотирована в справочно-библиографическом труде Д.К.Зеленина «Описание рукописей Ученого архива РГО» (1915г.), ставшем своеобразной энциклопедией для изучения дореволюционной этнографии народов России, в том числе и мордвы

Сотрудниками РГО П.И. Мельниковым («Очерки мордвы»), В.Н. Майновым («Lez restes de la mythologie Mordvine» («Остатки мордовской мифологии») 1889 г. и «Очерк юридического быта мордовского народа» 1885 г.), А.А. Шахматовым (Мордовский этнографический сборник, 1910) были опубликованы крупные труды по истории, этнографии, фольклору мордовского народа. Несмотря на некоторые неточности, устаревшие концепции анализа материалов, иногда неверные выводы, эти работы до сих пор являются ценными источниками по изучению как культуры мордвы в целом, так и ее обрядовой сферы.

Глубоким и обстоятельным научным трудом является монография «Мордва» профессора Казанского университета И.Н.Смирнова (Смирнов, 1895). Им были обобщены практически все имеющиеся к концу XIX в. сведения о мордовском народе в области истории, этнографии, фольклора и языка. Для исследователей мордовской обрядности особенно интересными являются те разделы книги, в которых описаны свадебные обряды, а также те, где подробно проанализи-

рованы воззрения мордвы на смерть и ее погребально-поминальные ритуалы.

Существенный вклад в изучение культуры мордовского народа внесли также, основанные в 60-80-е годы XIX века Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии; Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете; Финно-угорское общество в городе Гельсингфорсе. Совместно с рядом этнографических музеев они провели серию экспедиций в различные районы расселения мордвы с целью более глубокого изучения ее материальной и духовной культуры.

Члены указанных обществ активно публиковали фольклорные тексты, сообщения о быте и обрядности народов Поволжья. Например, описания обрядов, проводившихся при рождении детей, браке, погребении, а также самобытных молений мордвы различных регионов содержатся в статьях Г. Беневоленского, А.Н. Минха, А. Примерова и др. Иногда подобные публикации посвящались какому-то одному обрядовому действию, которое привлекало внимание исследователей. Например, В. Зерновский подробно описал молян бабань каша, в котором обнаружил отголоски человеческих жертвоприношений (Бабань каша. Очерк мордовского моляна, 1869).

В целом для дореволюционной литературы, посвященной культуре мордвы характерны такие черты, как описательность, фрагментарность, слабая практическая направленность. Надо отметить и неравномерность изучения дореволюционными исследователями компонентов культуры. Наибольшее количество публикаций посвящено религиозным верованиям, семейным и общественным обрядам и праздникам, обычному праву. Значительно слабее изучены материальные компоненты культуры, которые просто описывались, а не классифицировались с учетом социальных факторов, приобщения к социальной среде, обрядовой сфере и т.п. Наряду с этим, надо отметить, что эти работы составляют мощную фактологическую базу, на которую опирались и продолжают опираться все исследователи быта мордовского народа.

Х мордвы различных регионов содержатся в статьях Г. Беневоленского, А. Н.Минха, А. Примерова и др. Иногда подобные публикации посвящались какому-то одному обрядовому действию, которое привлекало внимание исследователей. Например, В. Зерновский подробно описал молян бабань каша, в котором обнаружил отголоски человеческих жертвоприношений (Бабань каша. Очерк мордовского моляна, 1869).

В целом для дореволюционной литературы, посвященной культуре мордвы характерны такие черты, как описательность, фрагментарность, слабая практическая направленность. Надо отметить и неравномерность изучения дореволюционными исследователями компонентов культуры. Наибольшее количество публикаций посвящено религиозным верованиям, семейным и общественным обрядам и праздникам, обычному праву. Значительно слабее изучены материальные компоненты культуры, которые просто описывались, а не классифицировались с учетом социальных факторов, приобщения к социальной среде, обрядовой сфере и т.п. Наряду с этим, надо отметить, что эти